

Галина ИЦКОВИЧ работает психотерапевтом. Преподает и пишет на русском и английском языках. Публиковалась в интернет-журнале Poetica, на литературных порталах «Белый мамонт» и «45 параллель», в журналах «Эмигрантская лира», «Чайка», «Интернет-фокус», в альманахах «Эмигрантская лира» (2012, 2014), «Окна» (2013), «Провинция у моря» (2015), Contemporary Jewish Writing, Summer 2015 («Современные еврейские писатели, лето 2015»). Финалист нескольких литературных конкурсов. Заняла первое место в номинации «Зрительские симпатии» на Открытом чемпионате Германии по русской словесности (2013), обладатель дипломов и призов конкурсов «Лужарская полночь» (2013), «Эмигрантская лира» (2014), «Провинция у моря»

(Одесса, 2015). Автор нескольких книг стихов и переводов с английского. Член редколлегии интернет-журнала «Окна», член экспертной коллегии премии «Народный поэт — 2015». Живет в Нью-Йорке.

НОВЫЙ ОРЛЕАН. ГОРОД МНОЖЕСТВА ИМЕН

I

Чье это поверье — давать ребенку множество имен, чтобы обеспечить долгую, здоровую жизнь? У этого города имен не счесть. Город Полумесяца, Большой Легкомысленный, Город, Забывший Заботы, Нола, Нолинс — ласковые и насмешливые, одобрительные и осуждающие, эти имена пытаются передать дух города, дух, не исчерпывающийся словами «вкусная еда и хорошая музыка».

Здесь веселятся на полном серьезе. Когда-то я думала, что потерявшие голову в бурлении нью-орлеанского карнавала люди — это всё приезжие. Ничего подобного — именно местные жители уделяют Марди Гра и подготовке к нему немалую часть жизни. Они собираются и планируют, репетируют и интригуют, команды стремятся перещеголять соседей и себя прошлогодних...

так проходит жизнь, так приходят новые поколения, выросшие в этой атмосфере. В атмосфере гиперсексуальности, не забудем добавить. С дикарским блеском в глазах женщины обнажают грудь за нитку стеклянных бус, своеобразной валюты карнавала, которые разбрасываются с колесниц участниками шествия. Одежда отлетает при малейшем прикосновении. Мужчины проявляют невиданную ловкость, ловя нитки сверкающего в солнечных лучах, а после — в неоновом безумном свете нью-орлеанской ночи счастья. Сюда, сюда бросайте, мне, мне, мне!.. Стекло счастье пролетает над головой, хрустит под подошвами. Как пойманные бабочки, бусы тускнеют и скучнеют в руке или в сумке, дома — проверено экспериментальным путем! Их, как и любое другое счастье, можно поймать, но невозможно удержать.

И год напролет, вне связи с фестивалем, звучит тут музыка. В барах, залах и зальчиках, в традиционно сумрачном «Холле сохранности», где живет дух раннего джаза, и в пивнушках Бурбон Стрит. В так называемом холле маленького храма джаза, а проще — дощатого сарая, бывшей таверны, сохранившейся с 1750 года и уже полвека являющейся Меккой джазовых музыкантов со всего мира (играть здесь — большая честь), портреты великих джазменов прошлого сливаются с рамами, рамы — со стенами. Джаз не дискриминирует ни по цвету кожи, ни по полу. Старик-саксофонист, руки которого покрыты пеплом ороговевшей кожи, похож на дерево. Саксаул-саксофонист, Саул, Ной. Да, о потопе: не все инструменты пережили великий потоп во время жестокого урагана 2005 года. В местном краеведческом музее хранятся рояли и кларнеты великих музыкантов этого города, прекрасные инструменты, не пережившие «Катрину». Во Французском квартале воды, к счастью, не было. Улицы залиты разнообразной музыкой, расплескивающейся через открытые витрины и двери джаз-клубов разного калибра и направлений.

В одном из таких зальчиков, холодном и запущенном, с непоправимыми, как смертельная болезнь, трещинами в кафеле пола (одна моя знакомая метко назвала этот узор «Рвота в студенческом общежитии»), на пунктирно освещенной маленькой сцене играют блюз. Как и сам зал, певица, кажется, заглянула сюда на минутку из пятидесятых годов прошлого века. У черных девушек века двадцать первого не бывает такого традиционного тюрбана, таких острых ключиц, таких безупречных ног с хрупкими щиколотками, такой тоски в глубоком голосе. Когда мы вместе, ты смотришь в мои глаза, но видишь ее, другую. Почему я столь застенчива, кто подскажет. Я не знала, что ты так нужен мне. Слова меняются местами, но не меняется смысл. Ритм блюза как

мерцательная аритмия. К сцене приближается очень старый, поношенный какой-то, очень черный человек. У самого края стоит приготовленная для пожертвований шляпа, но человек не опускает в нее ничего. Певица легко приседает на корточки, опасно перегибается, чтобы обнять его. Не двигаясь ей навстречу, старик стоит молча около минуты, потом медленно поворачивается и отходит к входной двери.

«Мой дедушка пришел меня послушать. Мне кажется, ему понравилось», — делится певица с залом. Она готова заплакать от умиления.

В соседнем баре тесно и весело. Там царит Диксиленд. Я без ума, без ума, без ума от моей девчонки, и она без ума от меня. Контрабасист подмигивает залу, кивая на пианиста: «Точно-точно, он без ума». Зал ликует от этой незамысловатой шутки, от секундного сообщничества с этим богом, кумиром. Я пою как лягушка, и нет у меня ничего, кроме моей песни: ни дома, ни брата, ни денег. Я на коленях, малышка, хочу, чтобы мне нужна была твоя любовь. Время от времени из группы слушателей прорываются к пятаку перед оркестриком желающие потанцевать. Танцоры образуют маленькие смерчи и воронки на своем пути, но это не их день, не их праздник. Это просто от полноты чувств: мы без ума друг от друга, не так ли поется в песне?

В третьем зале — другой мир. Басист, гитарист, ударник, певица — травести. Круглое лицо, бледно светящееся в полутьме, мальчишеский алыт. Она вся — ритм. Именно она задает ритм всему банду, тикает, как неровный пульс модального джаза. Она напевает в микрофон детским голоском, сложив поперному руки на диафрагме. Только через несколько номеров замечается очевидное — она беременна. Что-то еще более хрупкое, чем ее мимолетное единение с джазом, чем длинная импровизация, наполненная вздохами и прерывистым дыханием гитары, живет в ней, делит с ней джазовую кровь.

Это ему, будущему своему младенцу, поет женщина-мальчик, с ним ведет диалог. Он подрастает среди этих синих стен с беспокойными бордовыми картинами в больших мазках. У него тоже будет множество имен. Как и этот город, он выживет, потому что в нем течет джаз.

II

Но оставим в покое жителей Нового Орлеана и окрестностей, все-таки они люди ну совсем уж особые. А все остальные южане просто веселятся как следует, всем организмом. Они, наверно, и живут «как следует», вовсю. Они не критичны и не циничны, невзирая на предвзятость и склонность к оппози-

ции. Чем дальше на Юг, тем вежливей встречные, тем шире поля шляп — дань не моде, но традиции. Они вообще бережно относятся к прошлому. Поэтому и уважается так Марди Гра, языческий, в сущности, обычай в среде верующих христиан (да, они действительно веруют, и даже самые юные из них шевелят губами за обеденным столом).

Они настолько искренни, что могут показаться глупыми. Стоит задать вопрос, и они ответят обстоятельно и раздумчиво, не ограничиваясь сухими фактами. Вся предыстория, вся мотивация решений, меняющих и определяющих жизнь, будет изложена вам, незнакомцу. Тягучая патока южной речи обволакивает: ничего не понял, но ужасно приятно.

Юг обширен и просторен, расстояния измеряются от ближайшего города («Живу в 200 милях от Нового Орлеана»). Юг небогат, но зато сытен. Кухня Луизианы — Cajun, переполненная специями, увлажняющая глаза, кухня Южной и Северной Каролин, жаренная в масле, истекающая жиром таким, что он, кажется, проступает через щеки едоков — лица краснеют и лоснятся, — что может быть дальше от северных традиций, тем более от диет, вегетарианства и борьбы с углеводами?!

Старый лоск все еще заметен: позапрошлый век — это ведь так недавно. И хотя разговоров о сецессии больше не слышно, на Юге сразу становится ясно, что мы с ними — действительно из разных земель, из разных систем, думаем по-разному, опыт не совпадает. Может, и не надо бы вместе, но так сложилось. Южане привыкли, вот только измениться им не под силу.

